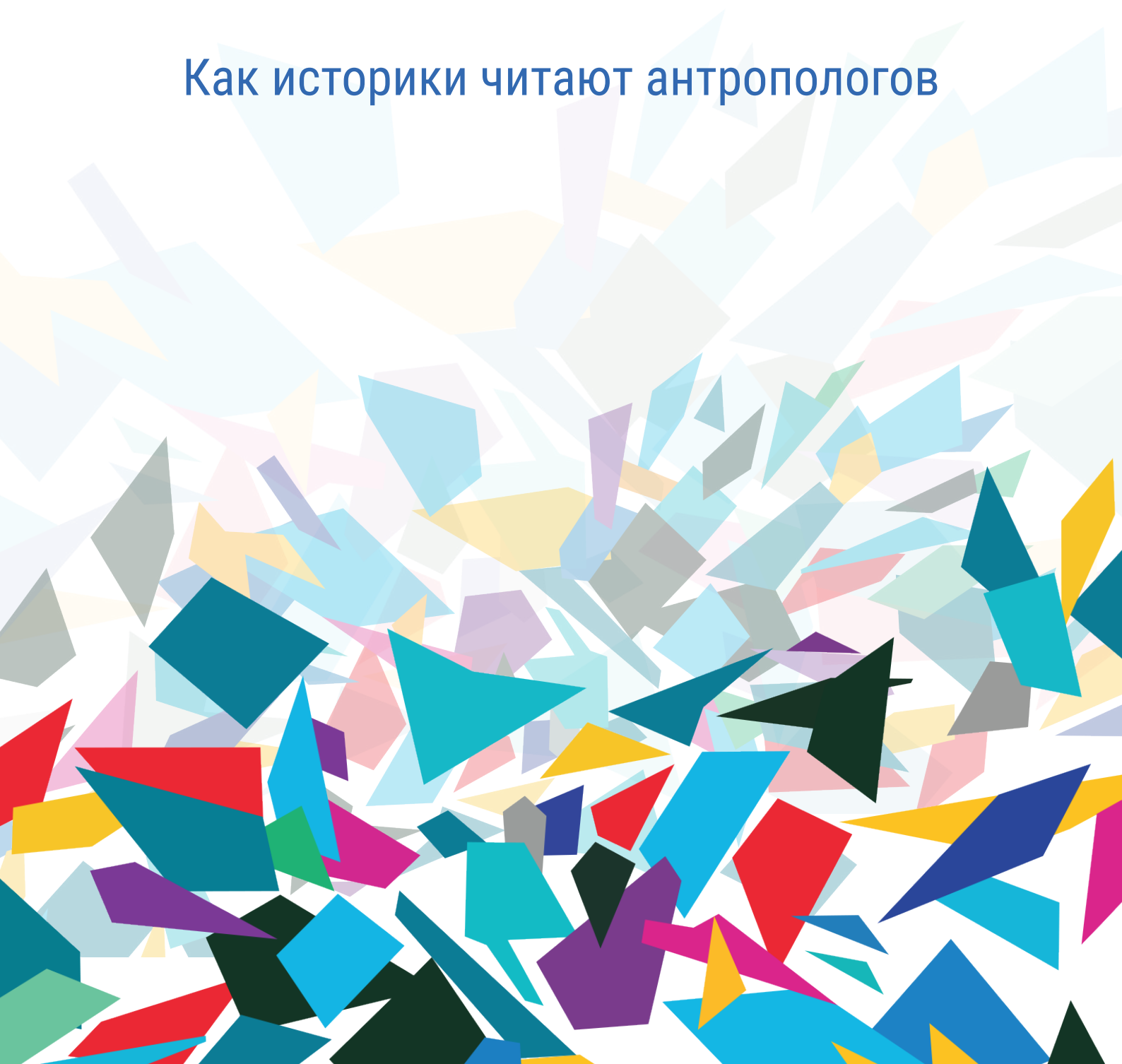

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Как историки читают антропологов

Цель: показать, что заимствуют историки из работ антропологов и каким образом применяют антропологические методы исследования.

Характеризуя концептуальные труды представителей социальных наук, оказавших влияние на становление направления, за которым с 70-х гг. закрепилось название “историческая антропология”, М. Кром, обращает наше внимание на следующий важный аспект, что и как заимствуют историки из работ ученых других специальностей, и в первую очередь – антропологов.

По его мнению, возможно, говорить о разных типах междисциплинарных заимствований. К примеру, наиболее простой и распространенный – это привлечение этнографического материала, относящегося к данному региону и к данной конкретной теме, как это сделали, например, Эдвард Томпсон и Натали Дэвис (при изучении шаривари в Англии и во Франции) или Питер Берк (при реконструкции “системы” оскорблений) в работах о которых мы говорили в предыдущих лекциях.

Второй, тоже широко распространенный тип заимствования – привлечение для объяснения изучаемого феномена как магия или колдовство, или какой-либо ритуал, сравнительного материала, почерпнутого из работ этнологов. Такой прием тоже может быть плодотворен, но он таит в себе и немалые опасности: на них еще в 1972 г. обращал внимание коллег Э. Томпсон.

Эдвард Палмер Томпсон (1924-1993) - один из крупнейших социальных историков, автор множества работ, посвященных темам английской истории XVIII и XIX вв.

В 1952 г. несколько членов этой группы основали один из ведущих в мировой исторической науке журнал «Past and Present». В 1963 г. появилась знаменитая книга Томпсона «Становление английского рабочего класса», положившая начало его известности. В 1968 г. Томпсон основал университетский Центр по изучению социальной истории и руководил им до 1970 г., а потом посвятил себя целиком исследовательской работе.

Томпсон считал себя марксистом, хотя и совершенно особым - марксистом «социалистическо-гуманистического» направления. В статье «Этнология, антропология и социология» Томпсон пишет, что, занявшись изучением плебейской культуры XVIII в. и плебейских форм протеста, он, пытаясь восстановить социокультурный контекст эпохи «доиндустриального общества», пришел к заключению, что в рамках лишь социально-экономической истории это невозможно.

Изучая заново материалы, собранные английскими этнологами, историк понял, что к ним необходимо обратить новые вопросы, которые помогут выявить состояние сознания и характер повседневной жизни.

В своих работах Томпсон придает значение работам английских этнологов, дающих ему особенно ценный материал.

Вот, например, ритуал «продажи женщин», распространенный, в Англии среди простонародья в XVIII и XIX вв. Суть ритуала такова: «Муж сообщает жене о своем намерении продать ее с аукциона на рынке. В назначенный день на шею или на талию ей набрасывают веревку и ведут на место продажи. Рядом идет аукционист, обычно ее муж. Происходят торги, проданную женщину передают покупателю. Тут же, на рынке, пили за здоровье молодых, и за выпивку обычно платил бывший муж».

В упомянутой уже нами статье «Этнология, антропология и социальная история» Томпсон излагает результаты своего анализа трехсот случаев этого экзотического ритуала. Он извлек сведения из газетных заметок и сочинений этнологов, но это, говорит исследователь, все были сторонние наблюдатели, смотревшие на происходящее «сверху» и по формальным атрибутам толковавшие это ритуал как «продажу женщин». Для всех было диким, что такие варварские акты происходят в цивилизованной Англии.

«Но изучая документы и если посмотреть на дело «снизу», выясняется иной аспект происходившего. Этот ритуал был формой развода, поскольку других форм народу не предлагалось. Почти в каждом из известных историческим случаям брак был фактически уже разорван, и «продажа» представляла собой лишь открытое объявление о случившемся. Покупатель знал об этом или даже был любовником женщины. Разыгрываемый публично спектакль часто был предназначен для того, чтобы скрыть позор мужа, теряющего супругу».

Итак, на первый взгляд, варварство: женщина с веревкой на шее на скотном рынке. Но анализ реальных отношений меняет картину. Ритуал регулирует заранее согласованный обмен партнерами, и это свидетельствует, с одной стороны, о признании большей сексуальной свободы, с другой - о народной легитимации развода, о самостоятельности народной культуры в решении столь важного жизненного вопроса.

Идеи, теоретико-методологические установки и подходы Томпсона оказали большое влияние на

развитие историко-антропологических исследований. Например, германские «историки повседневности» начали свои исследования именно под влиянием работ Томпсона.

Аналогичной позиции придерживается и Натали Земон Дэвис: «Мы обращаемся к сочинениям антропологов не за предписаниями, а за предложениями... Не существует замены обширной работе с историческими источниками. Нет способа, как ритуал на Новой Гвинее или в Замбии может быть использован для установления смысла и применений ритуала, скажем, в Европе XVI века; факты должны происходить от людей и институций эпохи».

Более экстремальным выглядит третий тип заимствования: когда историки берут из работ антропологов не отдельные наблюдения и выводы, а их концепции целиком. Здесь, прежде всего, историка поджидает опасность эклектики (на что также обратила внимание Н.З.Дэвис): нередко исследователи цитируют подряд суждения антропологов, являющихся профессиональными оппонентами.

Но даже если эклектики удастся избежать, насколько продуктивным оказывается приложение заимствованной из антропологии концепции к анализу исторического материала?

Чтобы этот вопрос не прозвучал риторически, рассмотрим конкретный пример: книгу американского историка Роберта Дарнтон «Великое избиение кошек и другие эпизоды французской культурной истории» (1984) и длительную полемику, которую вызвало появление этой работы.

Эта книга, по признанию самого автора, выросла из университетского семинара по истории и антропологии, который Р.Дарнтон вел совместно с Клиффордом Гирцем. Проблематика данной работы соответствует тому, что во Франции называется «историей ментальностей», но этот жанр, по его мнению, остался чужд англо-саксонской традиции, и Дарнтон определяет жанр своей книги как cultural history – «культурную (или, возможно, лучше перевести: «культурологическую») историю», историю с ориентацией на антропологию.

Эта ориентация подразумевает попытку «увидеть вещи с точки зрения местного жителя»; автор также разделяет с антропологами их исходную посылку, что «символы являются общими, как воздух, которым мы дышим, или... язык, которым мы говорим».

Книга Дарнтон состоит из шести очерков, но автор учебника М. Кром анализирует только первых две, поскольку именно они дали основную пищу для дискуссии.

В первой главе, названной «Крестьяне рассказывают сказки: смысл Матушки Гусыни», автор пытается через анализ сказок проникнуть в «ментальный мир» французских крестьян. Дарнтон обращает внимание на то, что оригинальные французские сказки, записанные фольклористами в прошлом веке, сильно отличаются от тех вариантов, которые читают детям теперь.

И главное отличие заключается не в тех или иных деталях, а в удивительной жестокости этих народных сказок. Размышляя о причинах такой жестокости, Р.Дарнтон указывает на суровые реалии крестьянской жизни при старом порядке, в XV – XVIII вв.: голод, высокую смертность, нужду. Это был мир непосильного труда и постоянного недоедания, мир мачех и падчериц, мир, в котором дети казались обузой, лишними ртами. Неудивительно, что эти мотивы нашли отражение в фольклоре.

Сравнивая французские сказки с немецкими и английскими, Дарнтон приходит к выводу о наличии у первых особого культурного стиля, который, в свою очередь, отражает особенности национальной ментальности. «Французскость существует (Frenchness exists)», - утверждает автор.

Сказки показывали, как устроен мир и как следует вести себя, чтобы выжить. Они не воспевали христианские добродетели, а, скорее, поощряли хитрость и плутовство - символом этих качеств может считаться Кот-в-Сапогах. И этот особый французский «культурный стиль», настаивает Дарнтон, не менялся в течение столетий: нынешний француз так же старается обмануть всемогущее государство, как его предок пытался перехитрить местного сеньора.

Второй очерк посвящен эпизоду, давшему название всей книге, - «Великому избиению кошек на улице Сен-Северин» в Париже. Этот эпизод был рассказан печатником по имени Никола Контá (Contat) в сочинении о нравах типографских рабочих (Anecdotes typographiques), датированном 1762 г.

Рассказчик среди прочего вспоминает там о «забавном» происшествии более чем двадцатилетней давности, участником которого в юности он сам был: ученики-работники книгопечатни на улице Сен-Северин, которых хозяин плохо кормил, страдали к тому же по ночам от кошачьих «концертов», мешавших им спать; хозяева, напротив, покровительствовали этим животным и кормили их деликатесами: поэтому работники избрали кошек орудием своей мести.

Подражая кошачьему мяуканью, они устроили несколько ночных «концертов» прямо над хозяйской спальней и добились от хозяина повеления истребить несносных котов. После этого было устроено

настоящее избиение кошек, принявшее вид шутовского судебного процесса над ними; жертвой этой казни стала и любимица хозяйки - серая кошечка. При виде последствий этой расправы хозяин пришел в ярость, хозяйка – в отчаяние, работники же залились веселым смехом. Впоследствии они не раз еще вспоминали эту “забавную” (по их мнению) сцену, представляя в лицах ее участников.

Анализируя этот эпизод, Р. Дарнтон обращает прежде всего внимание на то, что упомянутая мрачноватая история вовсе не кажется читателям смешной. Здесь налицо явное непонимание нами юмора парижских ремесленников XVIII в. свидетельствует о культурной дистанции между эпохами и становится отправной точкой для реконструкции исчезнувшей символической системы.

Само происшествие Дарнтон интерпретирует как символический бунт рабочих против произвола хозяев; бунт, форма которого позволила ему остаться безнаказанным. Исследователь ставит “избиение кошек” в один ряд с карнавальными выходками молодежи и с процессиями шаривари.

Шаривари от французского. Charivari, еще раз напомним - в средневековой Франции особый вид весёлого свадебного вечера, организуемый в случае празднования повторного брака какой-либо особы (вдовца или вдовы). В настоящее время Шаривари означает форму социального принуждения с помощью громких действий.

Согласно «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера это слово: «обозначает и описывает издевательский шум, устраиваемый при помощи сковородок, тазов, котлов и т.д. по ночам у дверей людей, вступающих в брак во второй или в третий раз или сочетающихся браком с кем-то, кто значительно отличается от них по возрасту. Подобные беспорядки заходили так далеко, что даже королевы, вновь вышедшие замуж, не были от них застрахованы».

Обычай этот был весьма распространён как среди простого народа, так и в среде высшей аристократии и выглядел определённым ритуалом под аккомпанемент из «кошачьей музыки». Участники гремели и звенели металлической посудой, в маскарадных костюмах дико скакали по помещению, подражали голосам животных и пели «стыдные песни». Чтобы унять разошедшихся гостей, вступающая в брак пара должна была по обычаю откупиться от них, выплатив некоторую денежную сумму.

Зачастую участники шаривари вымогали у хозяев довольно значительные деньги, на церковном соборе в Туре в 1163 году было запрещено под страхом отлучения исполнения подобных «кошачьих концертов». В результате церковные власти в XV веке стали разрешать «мирные» шаривари при условии предварительной договоренности и за уплату специальных пошлин. В Авиньоне власти штрафы, взятые с участников беспорядков, использовали для оплаты уборки улиц. Шаривари мог закончиться дракой и даже убийствами.

То, что орудием мести были избраны именно кошки, автор считает неслучайным: мучение кошек было широко распространенным явлением в Европе и составляло часть церемонии шаривари во многих местах. Кошка, кроме того, ассоциировалась с нечистой силой, колдовством и женской сексуальностью. Расправа с любимицей хозяйки, считает Р.Дарнтон, содержала прозрачный намек на то, что жена мастера – ведьма, а он сам – рогоносец. Смех работников исследователь называет карнавальным, “раблезианским”.

Книга Р.Дарнтонна вызвала оживленную дискуссию, продолжавшуюся несколько лет. Ее начал известный французский историк Роже Шартье. В своей рецензионной статье он отметил ряд противоречий в построении американского исследователя. Так, с одной стороны, Дарнтон констатирует неизменность французского стиля поведения и мышления, узнаваемого в народных сказках, в течение трехсот лет (“французскость существует”), с другой же – характеризует культуру старого порядка как чуждую, непонятную для современного человека.

Кроме того, он рассматривает как “текст” не только сказки или сочинение Конта, но и само действие (“кошачий погром”), что, по мнению Роже Шартье, довольно рискованно. При этом Дарнтон не уделяет должного внимания настоящему тексту – рукописи Никола Конта (1762), откуда, собственно, мы только и знаем о происшествии на улице Сен-Северин.

Роже Шартье - французский историк-историограф, один из главных представителей последнего поколения традиции Школы «Анналов». Его исследования посвящены истории книги, книгопечатания и чтения.

Между тем это сочинение, по наблюдению Р.Шартье, принадлежит определенному жанру – повествованиям о практике и “секретах” различных профессий; этот жанр не мог не сказаться на особенностях самого произведения Н.Конта. И вообще: можем ли мы быть уверены, что само событие (“резня кошек”) имело место и происходило так, как описано в воспоминаниях Конта? – задает Шартье главный, может быть, вопрос.

Французский историк оспаривает также сходство этого эпизода с карнавалом и шаривари. Еще более важным представляется замечание Шартье о том, что символы вовсе не разделяются всеми, подобно воздуху, которым мы дышим. Напротив, их значения непостоянны, изменчивы, не всегда легко поддаются расшифровке и уж никак не образуют “систему”. Во французском обществе старого порядка, расколотом на множество социальных групп, такое единство символики едва ли могло существовать, - справедливо отмечает Шартье.

Не менее острой критике подверг книгу о “великой резне кошек” итальянский историк Джованни Леви в статье с выразительным названием “Опасности гирцизма”: острие этой критики направлено не только и даже не столько против построений Дарнтонна, сколько против вдохновившей его антропологии К.Гирца.

Методология Клиффорда Гирца, отмечает Леви, ведет свое происхождение от философской герменевтики, в особенности от той ее версии, которая разработана Мартином Хайдеггером и Хансом Георгом Гадамером.

В противовес объективистской модели, сводящей человека к субъекту, а все вещи – к объектам манипуляции, эта версия по существу отождествляет историю с языком: человек не распоряжается языком (речью), на котором говорит; наоборот: язык распоряжается человеком.

Одно из следствий этой теории – “текстуализация” поведения, веры, устной культуры и ритуала, которые представляются чем-то целым, обладающим неким значением.

Процесс “текстуализации” принимает вид движения по кругу: сначала факт действительности изолируется, затем помещается в контекст реальности и т.д.

Леви видит в этом порочный круг (от текста к контексту и обратно), в котором нет надежных критериев истинности и соответствия, а в итоге невозможно отличить обоснованную (valide) интерпретацию от необоснованной и произвольной.

Текстуализация по Джованни Леви является, следовательно, «процессом, в котором неписаное поведение, высказывания, верования, устная традиция или ритуал, извлеченные из непосредственной дискурсивной и практической ситуации, образуют единство, и единство потенциально значимое. И это важнейшее предварительное условие интерпретации, потому что текст, таким образом, приобретает более или менее устойчивую связь с тем контекстом, в рамках которого может быть расшифрован множественный смысл, имплицитно содержащийся в буквальном значении».

«Сложность заключается в сформулированной Рикёром проблеме о взаимоотношении текста и мира. Мир невозможно уловить непосредственно: его всегда улавливаешь благодаря бесконечной цепочке выводов, сделанных на основе его частей.

Позиция Рикёра (воспроизведенная Гирцем, который отождествляет историческое и антропологическое понимание) предполагает, что различия между полевыми и архивными исследованиями можно рассматривать как незначительные.

Для Рикёра речь имеет своей неотъемлемой частью ситуацию непосредственной коммуникации: иначе обстоит дело с текстом и его чтением. Чтобы понять речь, нужно находиться в присутствии говорящего субъекта; но чтобы речь стала текстом, она должна стать автономной по отношению к непосредственной ситуации: интерпретация отлична от беседы.

Текст может быть “перенесен”, и этнография осуществляется вдали от полевой ситуации. “Ритуал или текстуализованное событие не связано уже тесным образом с производством этого события со стороны специфических акторов. Наоборот, эти тексты становятся доказательствами, примерами глобального контекста, “культурной” реальности. Но поскольку специфические авторы и акторы отделены от того, что они продуцируют, следует придумать обобщенного автора, чтобы дать представление о мире или о контексте, в который текст искусственно помещается заново.

В работах Гирца и Дарнтонна достаточно часто случается, что референциальный контекст застывает как неподвижный фон. Впрочем, Гадамер предупреждает нас, что “подлинное намерение исторического знания заключается не в том, чтобы объяснить конкретный феномен как особый случай общего правила [...]. Его подлинная цель - даже когда используются общие знания - это понять исторический феномен в его единственности, его уникальности”[12]. .

«Гирц есть Гирц, - замечает итальянский историк, - а опасность таится в гирцизме». Что касается работы Дарнтонна, то его выводы представляются Дж.Леви “очень спорными”, а сама книга являет собой “механический перенос в историю проблем, сформулированных антропологией в общении с живыми собеседниками”.

Тезис о “французскости” напоминает Леви о старомодных теориях “национального характера”, которые

существовали в американской антропологии 40-х годов. Контекст в очерках Дарнтон задан априори и остается неподвижным фоном, а все остальное – “изысканная каллиграфия философии истории, замкнутой в порочном круге”, - так завершает Дж.Леви свою рецензию.

Далее слово в дискуссии взял сам Дарнтон, однако его статья вместо возражений на конкретные замечания оппонентов содержала развернутое обсуждение темы “символический элемент в истории” – и более подробный, чем в книге, анализ этих элементов в рассказе Н. Конта о происшествии на улице Сен-Северин.

Нет возможности рассказать подробно обо всех мнениях, прозвучавших в ходе этой интереснейшей полемики. Так, интересным было выступление антрополога Дж.Фернандеса, высоко оценившего вторую главу книги Дарнтон (об “избиении кошек”), но оспорившего правомерность выведения “национального характера” из фольклора.

Фольклор сам испытал влияние процесса создания наций, а отмеченные Дарнтоном как “французские” качества, вроде “хитрости”, характерны для крестьян вообще; да и суровые условия, описанные историком, были типичны для крестьянской жизни по всей Европе.

В этой дискуссии принял активное участие и А.Я.Гуревич, присоединившийся к критическим замечаниям Роже Шартье по адресу Дарнтон, но признавший, что, несмотря на некоторые натяжки, автору удалось “вписать” эпизод, о котором поведал Н.Конта, в культурный контекст эпохи.

Материалы этой дискуссии прекрасно иллюстрируют приводившиеся выше высказывания видных ученых Ж. Ле Гоффа, Э.Томпсона, Н.З.Дэвис о трудностях и опасностях, сопровождающих диалог историка с антропологами.

Напрашивается вывод о том, что прямые заимствования из работ этнологов фактического или концептуального порядка должны быть строго дозированы и подчинены логике самого исторического исследования.

Но при этом ничто не мешает историку без всяких ограничений находить в антропологической литературе новые идеи и темы, расширять свой кругозор и, в итоге, смотреть на проблемы своей специальности под новым углом зрения.

Основные термины

Этнология, антропология, социология, ритуал, текстуализация, историческая наука

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993.
2. E.P.Thompson. Customs in Common. Studies in Traditional Popular Culture, London, Merlin Press, 1991.
3. Шартье Р. Письменная культура и общество. – М., Новое издательство, 2006.
4. Шартье Р. Post scriptum, или Двадцать лет спустя (ответы на вопросы редакции «НЛО») // НЛО. 2004. - № 66
5. Гофф Жак Ле. История и память. – М., РОССПЭН, 2013.
6. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. - 1988.- № 1. - С. 57.